

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2026. № 2. С. 38—48.
Territory Development. 2026;(2):38—48.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 338.2
EDN LXYJBO

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ РЕАКЦИЮ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ДУМСКИХ ВЫБОРАХ 2000—2024 ГОДОВ

Светлана Викторовна Дорошенко

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Российская Федерация, doroshenkos@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке влияния факторов, ассоциируемых с улучшением качества жизни или ухудшением личного благополучия, на региональную явку и голосование избирателей на федеральных выборах. Основным методом оценки выбрана квантильная регрессия с фиксированными эффектами. Информационную базу составили открытые данные по 82 российским регионам. Результаты показали, что материальное и личное благополучие конвертируются в электоральную активность, и не только в явку избирателей, но и голоса за действующую власть. Влияние факторов вариативно по квантилям регионов.

Ключевые слова: явка, голосование, выборы в Государственную Думу, выборы Президента Российской Федерации, регионы России, квантильная регрессия

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики УрО РАН на 2024—2026 гг., № 124021500019-9.

Для цитирования: Дорошенко С. В. Региональная вариативность влияния социально-экономических факторов на электоральную реакцию на президентских и думских выборах 2000—2024 годов // Развитие территорий. 2026. № 2. С. 38—48. EDN LXYJBO.

State and civil society, ideology and politics

Original article

REGIONAL VARIABILITY OF THE SOCIO-ECONOMIC FACTORS INFLUENCE ON THE ELECTORAL REACTION IN THE PRESIDENTIAL AND DUMA ELECTIONS OF 2000—2024

Svetlana V. Doroshenko

Institute of Economics, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, doroshenkos@mail.ru

Abstract. This article assesses the impact of factors associated with improved quality of life or worsening personal well-being on regional voter turnout and voting in federal elections. The primary assessment method is fixed-effects quantile regression. The dataset consists of open data from 82 Russian regions. The results show

© Дорошенко С. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

that material and personal well-being translate into electoral activity, not only in voter turnout but also in votes for the current government. The impact of these factors varies across regional quantiles.

Keywords: turnout, voting, elections to the State Duma, presidential elections, Russian regions, quantile regression

Acknowledgments: the article was written as part of the state assignment of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024-2026, No. 124021500019-9.

For citation: Doroshenko S.V. Regional Variability of the Socio-Economic Factors Influence on the Electoral Reaction in the Presidential and Duma Elections of 2000—2024. *Territory Development*. 2026;(2):38—48. (In Russ.). <https://elibrary.ru/lxyjbo>.

Введение

Выборные кампании в России проходят практически каждый год, охватывая различные уровни. Наибольший интерес у сообщества, как правило, вызывают выборы Президента Российской Федерации, последние из которых состоялись в 2024 г., а также в Государственную Думу, ближайшие из которых предстоят в сентябре 2026 г. Как следствие, уже сегодня разворачиваются серьезные политические дискуссии. Эксперты и партийные лидеры высказывают мнения по поводу ожидаемых процентов голосов избирателей. Население в очередной раз с любопытством наблюдает возросшую предвыборную активность ранее избранных депутатов. Явка на думских выборах традиционно ниже, чем на президентских. Однако активное внедрение в последние годы электронного голосования и других его форм несколько повышает электоральную активность, особенно молодого и среднего поколения.

Последствия государственной социально-экономической политики часто находят отражение в электоральном поведении. Анализ электоральной реакции в большинстве случаев основан на явке избирателей и определении доли голосов за победившего кандидата (партию). Первый показатель можно считать индикатором доверия к существующим институтам, их стабильности и эффективности; второй отражает структуру предпочтений в спектре политических сил. Одновременно между обоими показателями существует связь, определяемая общим набором факторов, при воздействии на которые возникает схожая ответная реакция избирателей, однако сила ее проявления может различаться в разрезе субъектов Российской Федерации.

Цель исследования состоит в оценке влияния материального положения, нестабильных ситуаций в частной жизни и неудовлетворенности результатами государственной политики на электоральную реакцию в регионах России. Новизна исследования заключается в продолжительном временном периоде оценки, сравнительном анализе думских и президентских выборов, учете некоторых

ранее неиспользованных предикторов, применении нового метода, что позволяет выявить дополнительные сдерживающие или стимулирующие эффекты электоральной реакции в регионах различных квантилей.

Обзор литературы

Считается, что первым электоральное поведение попытался исследовать французский географ А. Зигфрид. На основе глубокого статистического анализа он определил, что факторы — ландшафт, форма собственности, тип поселения — наиболее существенно влияли на итоги голосования во Франции. Результаты были представлены в работе «Политическая картина Западной Франции в период III Республики» (1913) [1]. Довольно рано на электоральное поведение обратили внимание и некоторые американские исследователи, например, оценившие в 1929 г. через корреляционные зависимости влияние на президентские выборы 1928 г. пяти факторов: партийной принадлежности, религии, «сухого закона», местности проживания и страны происхождения избирателя [2]. Позднее, в 1940—1950-х гг., в США укрепляется электоральная социология [3], направленная на поиск индивидуальных характеристик поведения на выборах в первую очередь через опросы избирателей.

На экономические причины электорального выбора более пристальное внимание обратили в середине 1950-х гг. после выхода монографии Э. Даунса «Экономическая теория демократии» [4]. Появление этого труда оказало существенное воздействие на такое направление исследований, как ретроспективное экономическое голосование, основанное на связи рациональности выбора избирателей с экономическими факторами. Позднее появляются критические оценки ретроспективного направления и связанной с ним концепции политического бизнес-цикла. Результаты исследований М. Льюиса-Бека, представленные в его монографии 1980-х гг. [5], обозначили три вида воздействия экономических факторов на электоральные реакции населения (перспективное, ретроспективное

и аффективное поведение). Исследования этих реакций базируются на различных методах. Так, ретроспективный подход, опираясь на оценку избирателями текущей социально-экономической ситуации, предполагает широкий анализ статистических данных. Перспективный подход отталкивается от ожиданий избирателей, поэтому здесь, как правило, преобладают социологические опросы. Аффективное голосование можно рассматривать как некое сочетание ретроспективного и перспективного, поскольку оно «основано на внерациональных оценках как текущей социально-экономической ситуации, так и ее потенциального развития» [6, с. 43].

Дискуссия «какой метод лучше» вряд ли когда-нибудь будет завершена. Сегодня исследователи опираются как на ретроспективный, так и перспективный подход, или на их сочетание, активно используя и эконометрические методы, которые в анализе электорального поведения стали применяться с 1950—1960-х гг. Довольно разнообразно такие методы применяются и сегодня. Например, эксперимент с опросом 10 000 человек с одномоментным воздействием, проведенный в Германии, подтвердил, что сложившиеся мнения избирателей влияют на ретроспективное голосование по предвыборным обещаниям, нарушение таких обещаний приводит к потере доверия, что, в свою очередь, снижает вероятность голосования за правящую партию в среднем на 10—15 % [7]. В целом интерес к оценке влияния социально-экономических факторов на электоральные реакции постоянен. Выбор подхода, на наш взгляд, определяется исследовательской задачей, объектом анализа, а также научными предпочтениями.

Во-первых, периодически своеобразным толчком к новой волне исследований электорального поведения становятся различные события глобального характера: например, распад СССР и европейского социалистического лагеря, появление на карте новых государств. Так, недавние исследования выявили, что сначала разделение Германии после Второй мировой войны, а затем ее объединение (по сути, поглощение ФРГ ГДР) привели к заметным различиям не только в экономическом развитии, но и в голосовании за определенные партии между восточными и западными землями, и эти территориальные различия в виде «географии недовольства» сохраняются на протяжении десятилетий [8]. Во-вторых, внутренние процессы в отдельных странах также накладывают отпечаток на электоральные реакции. Напри-

мер, считается, что миграция существенно меняет традиционные модели голосования. Так, на основе различных данных были оценены модели участия избирателей латиноамериканского происхождения (коренных жителей и иммигрантов) в президентских выборах США 2012 г. с несколькими демографическими объясняющими переменными, включая образование, доход, возраст, пол, семейное положение. Результаты показали наличие определенных связей между выбранными предикторами [9]. На примере европейских регионов было выявлено, что высокий миграционный прирост снижает долю голосов за правящие партии на 8—10 % по сравнению с регионами, характеризующимися относительно устойчивым составом населения [10]. Этот вывод дополняется исследованием по выборам в Швейцарии, где избиратели-иммигранты голосуют за правящие партии примерно на 20 % меньше, чем коренные жители [11].

Информационной базой для моделирования факторов электорального поведения становятся данные как в разрезе провинций, районов, муниципалитетов, так и по домохозяйствам, а объектом исследования выбираются не только общенациональные выборы (президентские, парламентские), но и региональные, а также муниципальные. Например, анализ региональных различий в голосовании за турецкую Партию справедливости и развития между парламентскими выборами 2002 г. и 2018 г. с помощью модели с фиксированными эффектами показал, что инфляция, безработица, рост ВВП на душу населения, предоставление медицинских услуг, темпы роста промышленного сектора, изменение старения населения и уровень неявки избирателей являются существенными факторами при принятии решений голосующими в различных провинциях страны [12]. На данных США установлено, что рост безработицы на 1 % в среднем снижает явку на 0,7 %, а длительная безработица усиливает эффект до 1,1 % [13]. Исследование влияния внезапного и продолжительного шока (потеря работы и, как следствие, снижение доходов) на примере около 40 000 британских домохозяйств за 2009—2021 гг. выявило последовательное и продолжительное влияние (в течение 10 лет после события) на поддержку и голоса за действующую партию и более краткосрочное влияние на политическую активность. Потеря работы в среднем приводит к снижению поддержки правящей партии на 2—4 % [14].

Следует заметить, что на общем уровне удовлетворенность жизнью, как фактор благополучия, признается показателем предиктором результатов любых выборов [15 ; 16]. А улучшение ситуации на региональном рынке труда заметно повышает шансы на переизбрание действующего главы: при увеличении занятости населения на 2 % поддержка возрастает на 1,5 % [17].

Для анализа явки и голосования значимы и показатели бедности, неравенства доходов. Например, установлено, что в странах с так называемой «развитой партийной конкуренцией» более обеспеченные избиратели участвуют в выборах гораздо активнее бедных [18], а разница в явке между верхним и нижним доходными группами (20 %) может достигать до 10—15 % [19]. Интересны и эмпирические результаты по 30 странам ОЭСР за период с 1970 по 2020 г., подтвердившие, что повышение налогов на доходы физических лиц — особенно за счет налогообложения трудовых доходов — наказываются на следующих выборах. При этом правительства наказываются за повышение подоходного налога с физических лиц, в основном падающего на семьи с низким доходом, что интерпретируется как результат низкого восприятия справедливости налоговых реформ [20].

Интерес отечественных исследователей к электоральному поведению населения в большей степени начал проявляться с конца 1980-х гг. Хотя и в более ранние годы в СССР подобные работы выходили, но результаты в большинстве из них констатировали факты итогов выборов [21]. Безусловно, в 1990-е гг. исследования электорального поведения населения России активизировались, в том числе и со стороны экономистов. Первые исследования, посвященные анализу взаимосвязей экономики и результатов российских президентских и парламентских выборов в 1991—2000-х гг., выявили определенные связи между явкой и голосованием за конкретные партии или кандидатов и такими экономическими факторами, как ВРП, бюджетные трансферты, безработица, задолженность по заработной плате, а также демографические характеристики региона (урбанизация, численность студентов и т. п.) [22 ; 23]. Позднее исследователи обратили внимание на влияние распределения доходов населения на избирательную активность. На примере выборов Президента России в 2012 г. и выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2011 г. был определен по-

роговый уровень доходов населения в регионах, достижение которого способствует проявлению электоральной активности и демонстрации политических предпочтений [24]. Кроме объясняющих переменных экономические факторы используются и в качестве контрольных предикторов в модельной оценке политических результатов электоральных процессов [25].

Таким образом, исследования влияния социально-экономических и демографических факторов на электоральные процессы достаточно обширны и затрагивают различные аспекты. Тем не менее есть причины продолжения подобных работ по России, в том числе в региональном разрезе. Во-первых, удлиняется временной период, что позволяет увеличить количество наблюдений в моделях и получить более устойчивые результаты. Во-вторых, наблюдаются серьезные мировые и национальные вызовы, что отражается и на электоральной активности населения. В-третьих, еще имеется достаточно факторов, влияние которых не рассматривалось ранее на примере регионов России, где ситуация с явкой избирателей и голосованием за победителя традиционно неоднородна, а также в большинстве случаев существенно меняется от выборов к выборам. Выборы Президента Российской Федерации отличаются от думских более высокой явкой и более высоким процентом голосов за победителя. Анализ ранее проведенных исследований, а также стремление получить результаты относительно влияния новых факторов на электоральную активность в российских регионах подвели нас к следующим гипотезам:

— рост показателей (гипотеза *H1*), ассоциируемых с улучшением качества жизни (реальные денежные доходы, развитие системы здравоохранения), приводит к увеличению явки и количества голосов за лидера;

— рост показателей (*H2*), ассоциируемых с ухудшением личного благополучия (безработица, рост индекса потребительских цен, разводы, расходы на ЖКХ, усиление неравенства), снижает явку и количество голосов за лидера;

— рост показателей, характеризующих развитие МСП в регионе, количество (*H3*), снижает явку и количество голосов за лидера;

— влияние показателей (*H4*) не только вариативно в различных квантилях регионов, но может проявляться по-разному как по отношению к явке, так и количеству голосов за лидера.

Методы исследования

Для регрессионного анализа использовались панельные данные по 82 субъектам Российской Федерации за 1999—2024 гг. По причине отсутствия социально-экономических показателей за значительный период в выборку не вошли Луганская и Донецкая народные республики, Запорожская и Херсонская области, Чеченская Республика, Республика Крым и г. Севастополь. Временной интервал выборки обусловлен датами проведения выборов Президента и в Государственную Думу Российской Федерации. Источниками данных послужили ЕМИСС, Росстат, Центризбирком, порталы ЭЛЕКТАН и OBTAGON.MEDIA.

Проверка гипотез предопределила использование двух зависимых переменных, отра-

жающих электоральное поведение населения в регионах: явку на выборах и процент проголосовавших за победившего кандидата или выигравшую партию.

Объясняющими переменными были выбранные показатели, ассоциируемые, во-первых, с улучшением качества жизни (реальные денежные доходы, развитие системы здравоохранения), во-вторых, с ухудшением личного благополучия (безработица, индекс потребительских цен, разводы, расходы на ЖКХ, неравенство доходов). Также было решено использовать показатели развития МСП как независимого от административного давления сообщества. Представим полное описание всех модельных переменных (табл. 1).

Таблица 1

Описание полного набора переменных моделей
Description of the model variables complete set

Обозначение	Описание
Зависимые переменные	
Yavka	Явка избирателей в регионе как отношение числа избирателей, принявших участие в выборах, к общему количеству граждан, имеющих право на участие в этих выборах, %
Golos	Доля голосов, отданных за кандидатуру или партию, набравших наибольшее количество голосов на выборах, от явки избирателей в регионе, %
Независимые переменные	
Gini	Индекс Джини, %
Rincome	Реальные денежные доходы населения в регионе к предыдущему году, %
Poverty	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума от общей численности населения, %
Unempl	Уровень безработицы в регионе, %
SE1000EAP	Число малых предприятий на 1 000 человек рабочей силы в регионе, единиц
Work1000EAP	Среднесписочная численность работников малых предприятий на 1 000 человек рабочей силы в регионе, человек
Divorce	Число разводов на 1 000 браков, единиц
Health	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций (на 10 000 человек населения) на конец года, посещений в смену
ZKH	Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг от общих расходов домохозяйств в год, %
Price	Индекс потребительских цен к предыдущему году, %

Примечание. Составлено автором.

Note. Compiled by the author.

Тест Vif показал либо умеренную мультиколлинеарность предикторов, либо ее отсутствие. Оценка моделей проводилась методом квантильной регрессии с фиксированными эффектами, которые учитывают в том числе различия регионов в уровне экономического и социального развития. Квантильная регрессия позволяет измерить влияние факторов на различных участках показателя,

а также учитывает «выбросы» данных, что делает оценки коэффициентов более устойчивыми.

В модели «думские выборы» присутствует пять временных интервалов (по количеству проведенных общероссийских выборов в Государственную Думу Российской Федерации) — 2003, 2007, 2011, 2016, 2021 гг., что в итоге дало 410 наблюдений. В модели

«президентские выборы» задействованы шесть интервалов — 2000, 2004, 2008, 2012, 2018, 2024 гг., или 492 наблюдения. Учитывая количество наблюдений, мы ограничились включением четырех предикторов в модель «думская» и пяти предикторов в модель

«президентская». Этот же момент оказал влияние на количество квантилей: во всех моделях коэффициенты были оценены на 25, 50, 75 и 99 % квантилях.

Далее представим итоговые результаты оценки четырех моделей (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Результаты квантильных регрессий (выборы Президента Российской Федерации)
Quantile regressions results (the President of the Russian Federation election)

Переменные	Квантили							
	Q25	Q50	Q75	Q99	Q25	Q50	Q75	Q99
	Yavka				Golos			
Gini	$\frac{-24,74}{16,03}$	$\frac{-30,37^{**}}{12,47}$	$\frac{-36,65^{**}}{16,79}$	$\frac{-49,49}{36,4}$	$\frac{-101,4^{***}}{26,72}$	$\frac{-97,22^{***}}{18,68}$	$\frac{-93,28^{***}}{22,52}$	$\frac{-85,44^*}{47,56}$
Unempl	$\frac{-0,33^*}{0,18}$	$\frac{-0,49^{***}}{0,14}$	$\frac{-0,68^{***}}{0,19}$	$\frac{-1,05^{**}}{0,4}$	$\frac{-0,88^{**}}{0,29}$	$\frac{-0,98^{***}}{0,21}$	$\frac{-1,09^{***}}{0,25}$	$\frac{-1,29^{**}}{0,52}$
Price	$\frac{0,08^*}{0,04}$	$\frac{0,13^{**}}{0,04}$	$\frac{0,18^{***}}{0,05}$	$\frac{0,28^{**}}{0,1}$	$\frac{-0,44^{***}}{0,095}$	$\frac{-0,41^{***}}{0,066}$	$\frac{-0,39^{***}}{0,08}$	$\frac{-0,33^{**}}{0,17}$
Health	$\frac{0,046^{***}}{0,01}$	$\frac{0,045^{***}}{0,008}$	$\frac{0,044^{***}}{0,01}$	$\frac{0,042^*}{0,02}$	$\frac{0,06^{**}}{0,022}$	$\frac{0,07^{***}}{0,015}$	$\frac{0,08^{***}}{0,019}$	$\frac{0,11^{***}}{0,04}$
Work1000EAP	$\frac{-0,0001}{0,003}$	$\frac{-0,004}{0,003}$	$\frac{-0,008^*}{0,004}$	$\frac{-0,015^*}{0,008}$	—	—	—	—
ZKH	—	—	—	—	$\frac{-0,33}{0,42}$	$\frac{-0,57^*}{0,29}$	$\frac{-0,8^{**}}{0,35}$	$\frac{-1,26^*}{0,75}$
N	492	492	492	492	492	492	492	492

Примечание. Составлено автором с помощью Stata.

Note. Compiled by the author using Stata.

*** p < 0,001; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Таблица 3

Результаты квантильных регрессий (выборы в Государственную Думу Российской Федерации)
Quantile regressions results (the State Duma of the Russian Federation election)

Переменные	Квантили							
	Q25	Q50	Q75	Q99	Q25	Q50	Q75	Q99
	Yavka				Golos			
Price	$\frac{-0,71^{***}}{0,16}$	$\frac{-0,58^{***}}{0,11}$	$\frac{-0,44^{**}}{0,15}$	$\frac{-0,17}{0,31}$	$\frac{-0,54^{**}}{0,19}$	$\frac{-0,55^{***}}{0,13}$	$\frac{-0,56^{***}}{0,17}$	$\frac{-0,57^*}{0,32}$
SE1000EAP	$\frac{-0,61^{***}}{0,11}$	$\frac{-0,57^{***}}{0,08}$	$\frac{-0,54^{***}}{0,11}$	$\frac{-0,46^{**}}{0,23}$	$\frac{-0,56^{***}}{0,08}$	$\frac{-0,66^{***}}{0,06}$	$\frac{-0,74^{***}}{0,07}$	$\frac{-0,89^{***}}{0,14}$
Divorce	$\frac{-0,015^{***}}{0,003}$	$\frac{-0,014^{***}}{0,002}$	$\frac{-0,013^{***}}{0,003}$	$\frac{-0,01}{0,006}$	$\frac{-0,028^{***}}{0,004}$	$\frac{-0,032^{***}}{0,003}$	$\frac{-0,036^{***}}{0,004}$	$\frac{-0,042^{***}}{0,007}$
Rincome	$\frac{0,16}{0,1}$	$\frac{0,17^{**}}{0,08}$	$\frac{0,19^*}{0,01}$	$\frac{0,21}{0,21}$	—	—	—	—
Poverty	—	—	—	—	$\frac{-0,42^{***}}{0,09}$	$\frac{-0,43^{***}}{0,06}$	$\frac{-0,44^{***}}{0,08}$	$\frac{-0,46^{**}}{0,16}$
N	410	410	410	410	410	410	410	410

Примечание. Составлено автором с помощью Stata.

Note. Compiled by the author using Stata.

*** p < 0,001; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Набор независимых предикторов в моделях различается. Так, в итоговые модели «президентские выборы» вошли переменные индекса Джини, безработицы, уровня цен, развития здравоохранения, занятости в МСП. Последняя переменная в моделях «голосование» оказалась незначимой и была заменена на расходы ЖКХ, которая, в свою очередь, была незначима в моделях «явка», поэтому не включалась. Однако указанные переменные, за исключением уровня цен, оказались незначимыми в моделях «думские выборы», поэтому в этих моделях оценены переменные уровня бедности, реальных доходов, разводов, количества МСП. При этом в модели «голосование» реальные доходы оказались незначимыми и были заменены на уровень бедности, значимость которого не подтвердилась в модели «явка».

Интерпретация результатов

Рассмотрим результаты оценки двух моделей «президентские выборы» (см. табл. 2). Переменная *Gini* оказала обратное влияние и на явку избирателей, и на голосование за победителя. Однако, если в случае явки переменная была значима только на средних и высоких квантилях, а значения коэффициента при этом возросли с 30,37 до 49,49, то в модели «голосование» значимость была выявлена для всех квантилей, но коэффициенты при этом снизились к высоким квантилям — от 101,43 до 85,44. Переменная *Unemp1* также оказала обратное влияние на явку и голосование. Она была значима во всех квантилях, а значения коэффициентов вариативны и возросли от низких квантилей к высоким — от 0,33 до 1,05 в модели «явка» и от 0,88 до 1,29 — в модели «голосование».

Интересно проявилось воздействие переменной *Price*. Прямое влияние этой переменной выявлено в модели «явка». При этом коэффициенты были заметно вариативны и возросли к высоким квантилям — от 0,08 до 0,28. Однако в модели «голосование» переменная *Price* оказала обратное влияние на зависимую переменную, значения же коэффициентов были менее вариативны и снизились к высоким квантилям — от 0,44 до 0,33.

Переменная *Health* и на явку, и на голосование оказала прямое влияние. Коэффициенты были незначительно вариативны. При этом в модели «явка» их значения несколько снизились к высоким квантилям — от 0,046 до 0,042, а в модели «голосование», наоборот, возросли от 0,06 до 0,11.

Предиктор *Work1000EAP* в модели «явка» показал обратное влияние, но значимость его на 10 %-м уровне проявилась только в высоких квантилях с возрастанием значений коэффициентов от 0,008 до 0,015. Переменная *ZKN* в модели «голосование» также оказала обратное воздействие на зависимую переменную, но только на средних и высоких квантилях при возрастающих значениях коэффициентов — от 0,57 до 1,26.

Результаты оценки моделей выборов в Государственную Думу Российской Федерации (см. табл. 3) показали несколько отличное от предыдущих моделей влияние переменной *Price*: она оказала обратное влияние и в случае явки, и в случае голосования, но коэффициенты в модели «явка» были значимы в квантилях от 25 до 75 %, и их значения снизились — от 0,71 до 0,44, а в модели «голосование» значимость установлена во всех квантилях, но значения возросли от 0,537 до 0,57.

Переменная *SE1000EAP* была значима во всех квантилях обеих моделей «думские выборы», но в модели «явка» значения коэффициентов уменьшились к высоким квантилям — от 0,61 до 0,46, а в модели «голосование» увеличились от 0,56 до 0,89. Схожее влияние проявляется и переменной *Divorce*, но она осталась незначимой в последнем квантиле в модели «явка».

Переменная *Rincome* оказала прямое влияние на явку избирателей, но только в 50 и 75 % квантилях. Установлено обратное воздействие на голосование переменной *Poverty*, при этом значения коэффициентов увеличились к высоким квантилям — от 0,42 до 0,46.

Таким образом, гипотеза *H1* частично подтвердилась в результате эконометрического анализа. Действительно, переменная, характеризующая уровень развития здравоохранения в регионе, оказала позитивное влияние и на явку, и на голосование за лидера в модели выборов «Президент Российской Федерации». При этом ее влияние снизилось к более высоким квантилям в модели «явка», но возросло в модели «голос». То есть высока вероятность того, что при улучшении работы организаций здравоохранения население регионов с наименьшим значением средней явки (например, в Костромской, Владимирской, Смоленской областях) примет более активное участие в выборах, но больший рост голосов за лидера будет наблюдаться в регионах средних (например, в Рязанской, Ярославской, Кировской, Мурманской областях) и высоких квантилей (республиках Да-

гестан, Ингушетия, Тыва). Переменная, отражающая изменение реальных доходов, оказалась значимой только в модели «явка думских выборов» в регионах квантилей Q50 (например, в Курганской, Оренбургской, Нижегородской областях) и Q75 (республиках Коми, Адыгея, Алтай), где этот показатель может повысить явку избирателей.

Гипотеза *H2* также подтвердилась частично. Рост большинства показателей, ассоциируемых с ухудшением личного благополучия, снижал явку и количество голосов, при этом сила влияния в квантилях была различна. Так, на президентских выборах рост безработицы больше снижал явку и количество голосов в регионах Q99 (республики Северная Осетия, Башкортостан, Татарстан), чем в субъектах Q25 (Томская, Сахалинская, Новосибирская области). Индекс Джини сильнее влиял на явку в регионах Q75 (Воронежская область), чем Q50 (Московская область), но больше снижал количество голосов за лидера в субъектах Q25 (г. Москва), чем в Q99 (Республика Мордовия). Однако рост расходов домохозяйств на ЖКХ не влиял на явку, но в регионах Q99 (Краснодарский край) сильнее сказалось отрицательное влияние на голосование, чем в регионах Q50 (Ненецкий АО). На думских выборах увеличение разводов чуть больше снизило явку в субъектах Q25 (Приморский край), чем в Q75 (Еврейская АО), но заметно уменьшило голосование в Q99 (Кемеровская область), чем в Q25 (Красноярский край). Уровень бедности немного заметнее снизил голосование в регионах Q99 (Кабардино-Балкарская Республика), чем в Q25 (г. Санкт-Петербург).

Несколько по-иному проявилось воздействие роста потребительских цен. Рост цен был более чувствителен для снижения явки на думских выборах в регионах Q25 (Хабаровский край), чем в Q75 (Удмуртская Республика). Однако на президентских выборах рост цен увеличил явку больше в субъектах Q99 (Ямало-Ненецкий АО), чем в Q25 (Калининградская область), но одновременно снизил голосование за лидера и больше в субъектах Q25 (Республика Хакасия), чем в Q99 (Республика Калмыкия).

Результаты подтвердили гипотезу *H3*. Действительно, увеличение малых предприятий на думских выборах снизило явку сильнее в регионах Q25 (Архангельская область), чем в Q99 (Саратовская область), а голосование, наоборот, больше в Q99 (Пензенская область), чем в Q25 (Иркутская область). Но на прези-

дентских выборах явку снизил рост численности занятых в МСП и в регионах Q99 (Орловская область) больше, чем в Q75 (Республика Марий Эл). Предполагается, что здесь проявляются два момента: во-первых, так предприниматели выражают недовольство сложившимся в стране деловым климатом; во-вторых, малый бизнес не попадал под административное давление по поводу обеспечения явки в отличие от бюджетного сектора.

Гипотеза *H4* подтвердилась. Влияние исследуемых факторов было вариативно по квантилям регионов, о чем свидетельствуют значения коэффициентов и значимости. Также оно различно в случаях явки и голосования. Многие регионы при разбивке по средним значениям на квантили оказались в разных группах по явке и голосованию. Например, на президентских выборах Ленинградская область по явке попала в Q50, а по голосованию — в Q99. Наоборот, Орловская и Белгородская области на думских выборах по явке были в Q99, а по голосованию — в Q75.

Заключение

Исследование показало, что нестабильное положение избирателя российских регионов (безработица, разводы) приводит к его дистанцированию от политического процесса, а материальное и личное благополучие конвертируется в электоральную активность, и не только в явку избирателей, но и в подачу их голосов за действующую власть. При этом к воздействию факторов и на думских, и на президентских выборах в основном было более чувствительно голосование за победителя (партию) по сравнению с явкой. Тем самым люди склонны не только выражать отношение к сложившейся социально-экономической ситуации, но и возлагать определенную надежду на ее улучшение, связывая это с конкретными политическими силами. Одновременно факторы могут нивелировать друг друга. Так, рост реальных доходов позитивен для явки, но сохраняющееся нарастающее неравенство доходов, как и уровень бедности, приводит к более заметному снижению электоральной активности и поддержки власти. Полученные результаты могут учитываться при разработке новых законодательских инициатив, направленных на достижение национальных целей развития России. Дальнейшая перспектива подобных исследований нам видится в оценке выборов губернаторов, а также депутатов в законодательные собрания субъектов, в том числе в разрезе партий и кандидатов.

Список источников

1. Кажанов О. А. Электоральная проблематика в российской партиологии начала XX века // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 122—133.
2. Ogburn W. F. Nell Snow Talbot A Measurement of the Factors in the Presidential Election of 1928 // Social Forces. 1929. Vol. 8, no. 2. P. 175—183. <https://doi.org/10.2307/2569577>
3. Земскова А. М. История изучения электоральной социологии // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 113—130. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.595>
4. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957. 310 p.
5. Lewis-Beck M. S. Economics and Elections: The Major Western Democracies. Michigan, 1988. 183 p.
6. Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // ПОЛИТИЯ. 2017. № 3 (86). С. 42—61.
7. Matthieß Th. Retrospective pledge voting and mistrusting citizens: Evidence for the electoral punishment of pledge breakage from a survey experiment // Electoral Studies. 2022. Vol. 80. P. 102547. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2022.102547>.
8. Angry together or agitated alone? The role of social capital in the geographies of discontent / L. Koeppen, D. Ballas, A. Edzes, S. Koster // Regional Science Policy & Practice. 2025. Vol. 17, no. 6. P. 100185. <https://doi.org/10.1016/j.rspp.2025.100185>
9. Leighley J., Nagler J. Latino Electoral Participation: Variations on Demographics and Ethnicity RSF: The Russell Sage Foundation // Journal of the Social Sciences. 2016. Vol. 2, no. 3. P. 148—164. <https://doi.org/10.7758/rsf.2016.2.3.08>
10. Куренкова К. И. Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения: процессы и проблемы взаимодействия // Власть. 2017. Т. 25, № 6. С. 34—39.
11. Camatarri S. The electoral behaviour of voters with migration backgrounds and natives at the 2015 and 2017 Swiss national elections // Swiss Political Science Review. 2022. Vol. 28, no. 4. P. 566—588. <https://doi.org/10.1111/spsr.12529>
12. Deniz P., Karahasan B. C., Pinar M. Determinants of regional distribution of AKP votes: Analysis of post-2002 parliamentary elections // Regional Science Policy & Practic. 2021. Vol. 13, no. 2. P. 323—353. <https://doi.org/10.1111/rsp3>
13. Burden B. C., Wichowsky A. Economic discontent as a mobilizer: Unemployment and voter turnout // Journal of Politics. 2014. Vol. 76, no. 4. P. 887—898. <https://doi.org/10.1017/S0022381614000405>
14. Upward R., Wright P. W. Income shocks, political support and voting behaviour // Journal of Public Economics. 2024. No. 239. P. 105253. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2024.105253>
15. Geys B. Explaining voter turnout: A review of aggregate-level research // Electoral Studies. 2006. Vol. 25, no. 4. P. 637—663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>
16. Ward G. Happiness and voting: Evidence from four decades of elections in Europe // American Journal of Political Science. 2020. Vol. 64, no. 3. P. 504—518. <https://doi.org/10.1111/ajps.12492>
17. The local economy and re-election of incumbent district leaders in Indonesia / R. Rumayya, A. Rammohan, R. Purwono, I. Harymawan // Heliyon. 2020. Vol. 6, no. 11. P. e05415. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05415>
18. Kurella A., Schwarzbözl T. Economic inequality and political disengagement in contemporary democracies // European Journal of Political Research. 2024. Vol. 63, no. 2. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12604>
19. Wichowsky A. Competition, party dollars, and income bias in voter turnout, 1980—2008 // Journal of Politics. Vol. 74, no. 2. P. 446—459. <https://doi.org/10.1017/S002238161100168X>
20. Ahrens L., Bandau F. The electoral consequences of taxation in OECD countries // Electoral Studies. 2024. No 88. P. 102774. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2024.102774>
21. Кажанов О. А. Электоральные исследования в СССР // Universum: общественные науки : электрон. науч. журн. 2019. № 9—10 (59). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/7972> (дата обращения: 29.11.2025).
22. Гамбарян М., Мау, В. Экономика и выборы: опыт количественного анализа // Вопросы экономики. 1997. № 4. С. 111—129.
23. Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (Опыт России 1995—2000 годов) / В. А. Мау, О. В. Кочеткова и др. // Научные труды ИЭПП. Москва, 2001. 110 с.
24. Нуреев Р. М., Шульгин С. Г. Распределение доходов населения и электоральное поведение в регионах России (по итогам президентских выборов 2012 г.) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 4 (20). С. 102—120.
25. Горохов А. В. Кооптация оппозиции на региональных выборах в России: факторы влияния (на примере кампаний 2019—2023 гг.) // Регионология. 2025. Т. 33, № 1. С. 91—103. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

References

1. Kazhanov O.A. Ehlektoral'naya problematika v rossijskoj partiologii nachala XX veka [Electoral Issues in Russian Party Studies of the early 20th century], Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal], 2013, no. 4, pp. 122—133.

2. Ogburn W.F. Nell Snow Talbot A Measurement of the Factors in the Presidential Election of 1928, *Social Forces*, 1929, vol. 8, no. 2, pp. 175–183, <https://doi.org/10.2307/2569577>
3. Zemskova A.M. Istoriya izucheniya ehlektoral'noj sociologii [History of the Study of Electoral Sociology], *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2019 vol. 10, no. 3, pp. 113–130, <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.595>
4. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York, 1957, 310 p.
5. Lewis-Beck M.S. *Economics and Elections: The Major Western Democracies*, 1988, 183 p.
6. Turovskij R.F., Gajvoronskij Yu.O. Vliyanie ehkonomiki na ehlektoral'noe povedenie v Rossii: rabotaet li "kontrakt" vlasti i obshchestva? [The Influence of the Economy on Electoral Behavior in Russia: Does the 'Contract' of Power and Society Work?], *POLITIYa* [POLITIA], 2017, no. 3 (86), pp. 42–61.
7. Matthieß Th. Retrospective pledge voting and mistrusting citizens: Evidence for the electoral punishment of pledge breakage from a survey experiment, *Electoral Studies*, 2022, vol. 80, p. 102547, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2022.102547>
8. Koeppen L., Ballas D., Edzes A., Koster S., Angry together or agitated alone? The role of social capital in the geographies of discontent, *Regional Science Policy & Practice*, 2025, vol. 17, no. 6, p. 100185, <https://doi.org/10.1016/j.rspp.2025.100185>
9. Leighley J., Nagler J. Latino Electoral Participation: Variations on Demographics and Ethnicity RSF: The Russell Sage Foundation, *Journal of the Social Sciences*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 148–164, <https://doi.org/10.7758/rsf.2016.2.3.08>
10. Kurenkova K.I. Migracionnaya politika evropejskih gosudarstv i ehlektoral'naya aktivnost' naseleniya: processy i problemy vzaimodejstviya [Migration Policy of European States and Electoral Activity of the Population: Processes and Problems of Interaction], *Vlast* [Power], 2017, vol. 25, no. 6, pp. 34–39.
11. Camatarri S. The electoral behaviour of voters with migration backgrounds and natives at the 2015 and 2017 Swiss national elections, *Swiss Political Science Review*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 566–588, <https://doi.org/10.1111/spsr.12529>
12. Deniz P., Karahasan B.C., Pinar M. Determinants of regional distribution of AKP votes: Analysis of post-2002 parliamentary elections, *Regional Science Policy & Practice*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 323–353, <https://doi.org/10.1111/rsp3>
13. Burden B.C., Wichowsky A. Economic discontent as a mobilizer: Unemployment and voter turnout, *Journal of Politics*, 2014, vol. 76, no. 4, pp. 887–898, <https://doi.org/10.1017/S0022381614000405>
14. Upward R., Wright P.W. Income shocks, political support and voting behavior, *Journal of Public Economics*, 2024, no. 239, p. 105253, <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2024.105253>
15. Geys B. Explaining voter turnout: A review of aggregate-level research, *Electoral Studies*, 2006, vol. 25, no. 4, pp. 637–663, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>
16. Ward G. Happiness and voting: Evidence from four decades of elections in Europe, *American Journal of Political Science*, 2020, vol. 64, no. 3, pp. 504–518, <https://doi.org/10.1111/ajps.12492>
17. Rumayya R., Rammohan A., Purwono R., Harymawan I. The local economy and re-election of incumbent district leaders in Indonesia, *Heliyon*, 2020, vol. 6, no. 11, p. e05415, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05415>
18. Kurella A., Schwarzbözl T. Economic inequality and political disengagement in contemporary democracies, *European Journal of Political Research*, 2024, vol. 63, no. 2, <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12604>
19. Wichowsky A. Competition, party dollars, and income bias in voter turnout, 1980–2008, *Journal of Politics*, vol. 74, no. 2, pp. 446–459, <https://doi.org/10.1017/S002238161100168X>
20. Ahrens L., Bandau F. The electoral consequences of taxation in OECD countries, *Electoral Studies*, 2024, no. 88, p. 102774, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2024.102774>
21. Kazhanov O.A. Ehlektoral'nye issledovaniya v SSSR [Electoral Studies in the USSR], *Universum: obshchestvennye nauki* [Universum: Social Sciences] : ehlektron. nauch. zhurn, 2019, no. 9–10 (59). Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/7972> (accessed: 29.11.2025).
22. Gambaryan M., Mau V. Ehkonomika i vybory: opyt kolichestvennogo analiza [Economics and Elections: A Quantitative Analysis], *Voprosy ehkonomiki* [Issues of Economics], 1997, no. 4, pp. 111–129.
23. Mau V.A., Kochetkova O.V. et al. Ehkonomicheskie faktory ehlektoral'nogo povedeniya i obshchestvennogo soznaniya (Opyt Rossii 1995–2000 godov) [Economic Factors of Electoral Behavior and Public Consciousness (Experience of Russia 1995–2000)], *Nauchnye trudy IEHPP* [Scientific Works of the IEPP]. Moscow, 2001, 110 p.
24. Nureev R.M., Shul'gin S.G. Raspredelenie dohodov naseleniya i ehlektoral'noe povedenie v regionah Rossii (po itogam prezidentskih vyborov 2012 g.) [Income Distribution and Electoral Behavior in Russian Regions (Based on the Results of the 2012 Presidential Elections)], *Zhurnal Novoj ehkonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association], 2013, no. 4 (20), pp. 102–120.
25. Gorohov A.V. Kooptaciya oppozicii na regional'nyh vyborah v Rossii: faktory vliyaniya (na primere kampanij 2019–2023 gg.) [Cooption of the Opposition in Regional Elections in Russia: Factors of Influence (Case Study of the 2019–2023 Campaigns)], *Regionologiya* [Regionology], 2025, vol. 33, no. 1, pp. 91–103, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

Информация об авторе

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Information about the author

Svetlana V. Doroshenko — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Section, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 30.03.2026; accepted for publication 06.04.2026.